

28 ноя. 1978г

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

К 75-летию
М. И. ЦАРЕВА

Талант большой и яркий

Герои Михаила Ивановича Царева — люди крупных характеров. Героико-романтическая сущность Царева-художника и гражданина звала к созданию образов, наделенных волей и активностью. Не случайно первая же значительная роль на сцене Малого театра, в окружении актеров, каждый из которых был неоспоримым авторитетом в искусстве, принесла ему славу и признание. Этой ролью был Чацкий.

В Чацком он раскрыл редкостную душевную щедрость, острое стремление неустанно взрывать изнутри косность и лицемерие, на каждом шагу проявляя нетерпимость к несправедливости. При этом в Чацком не было никаких рефлексий, никакой душевной расслабленности. Цареву претят эти краски. Его Чацкий до сих пор жив в памяти очевидцев и во множестве статей и рецензий тридцатых — сороковых годов. Образ Чацкого, созданный М. И. Царевым, стал большим театральным событием того времени.

Успех на сцене, особенно в героико-романтической роли, нередко приводит актера к эксплуатации уже найденных и понравившихся публике обра-

зительных черт. Да и театр готов идти на уступки такому актеру, учитывая популярность его «комплекса данных» у зрителей. Царев с негодованием отверг все проверенные пути к успеху. Он не повторился ни в одной из подобных ролей, а вместе с этим уверенно и настойчиво раздвигал рамки своего исполнительского диапазона. Он умел быть неповторимым Жадовым, Глуховым, домом Сезаром де Базаном. Он мог создать сложнейший характер Макбета — энергичного, не знающего пощады, отважного и одновременно лицемерного, и тут же, назавтра, превратиться в эксцентричного, комедийно — заразительного профессора Хитгинса из «Пигмалиона» Б. Шоу.

Много добрых и благодарных слов было сказано об исполнении Царевым в годы войны роли генерала Огнева в спектакле «Фронт» по пьесе А. Корнейчука, а создание образа капитан-лейтенанта Боровского в широко известной в те годы пьесе Б. Лавренева «За тех, кто в море!», было отмечено Государственной премией СССР. Он был граждански публицистичен в этих ролях, точно так же, как в роли прогрес-

сивного американского журналиста Гарри Смита, героя пьесы К. Симонова «Русский вопрос», обличающей первые атаки «холодной войны».

В жизни Царев — строгий, требовательный, удивительно точный, всегда артистически подтянутый человек. Он словно собирает, копит азарт художника, чтобы выплеснуть его на сцене, в роли. И все его герои — люди азартные. При внешней скромности сценических средств они азартны в своем мировоззрении. Сейчас он играет доктора Матиса Клаузена в спектакле «Перед заходом солнца» — человека, возмущенного азартом протеста против буржуазности, ханжества, жестокости капиталистической морали, в которой уже явственно проглядываются черты фашизма. И горьковского Старика он видит человеком азартным, одержимым низменной завистью, доведенной до библейских масштабов. Жизнеактивен Фамусов в исполнении Царева. Таким он был и в постановке 1963 года, и в нынешней постановке, осуществленной на сцене Малого театра самим Царевым. Только тот, ранний, Фамусов был в большей степени барин, внеш-

не добродушный и хлопотливый, внутренне — настороженным и враждебным ко всему, что ново и прогрессивно. Фамусов последней редакцией сбросил маску добродушия: он — лидер московского реакционного дворянства, яростный охранитель чиновничьих и крепостнических устоев. Он борется с Чацким открыто и страшно. Если в своей артистической молодости Царев раскрывал в Чацком тему «нетерпимости к несправедливости», то теперь, в Фамусове, он играет такое же решительное контрадействие — нетерпимость к справедливости. Государственной премии РСФСР 1977 года удостоена и эта работа актера.

Не знаю еще, каким будет король Лир, которым сегодня заняты все творческие помыслы Царева, но убежден, что и в этой роли победят энергичные черты. Не может быть по-другому: постоянное «героическое напряжение», которого требовал К. С. Станиславский от каждого актера, свойственно Цареву — человеку, актеру, режиссеру, педагогу, общественному деятелю. Масштаб его деятельности вызывает уважение и удивление. Теоретически понимаешь, что, как всякий че-

ловек, он должен когда-то устать, отдаваться покою и уюту. Но я не знаю никого, кто бы видел Михаила Ивановича в состоянии неторопливого отдыха. В редкие часы, дома, он, вероятно, бывает таким. Но мы его знаем человеком-деятелем. Мы видим, как, начиная свой день с напряженных репетиций, он продолжает его на посту директора Малого театра и председателя президиума правления Всесоюзного театрального общества, как одновременно он возглавляет Национальный центр Международного института театра в качестве его президента и воспитывает актерскую молодежь в Театральном училище имени М. С. Щепкина.

Редко вспоминаешь о том, что Михаилу Ивановичу Цареву скоро 75 лет. Когда вспоминаешь, стараешься идти навстречу его занятости. Но, как правило, Царев участвует в нашей работе постоянно, во все подробно вникая, ко всему проявляя настойчивое неравнодушие. Он всегда точен — не позволяет себе опаздывать ни на минуту. Он наделен редкостным даром терпеливо и внимательно выслушивать людей и откликаться на их нужды.

Двадцать шесть лет назад, молодым актером, только что пришедшим в труппу Малого театра, я встретился с Михаилом Ивановичем Царевым, тогда уже директором и популярнейшим артистом. Были живы и блистали на сцене наши прославленные старики. Царев был моложе их, но по праву входил в их плеяду. Мы, молодые, считали его крайне строгим и требовательным человеком, не рассчитывая ни на какое снисхождение к нашей молодости и неопытности. Но на репетициях перед нами раскрывался другой человек — наш старший товарищ, необычайно чуткий, умеющий уважать художника в другом, пусть даже еще неопытным и не успешным освоить традиции Малого театра.

Михаил Иванович воспитывает нас силой своего личного примера. Глядя на него, осмысливая его большую и яркую жизнь, понимаешь, что имел в виду великий К. С. Станиславский, говоря о театре как о роде общественного служения и советском актере как об общественном деятеле.

В. КОРШУНОВ,
народный артист РСФСР.